

Вэй Хуань заметила: «Если хочешь, чтобы они превзошли У Миньчжи, не обязательно делать это здесь. У аристократов есть своя манера, а у простоты и доброты — свои достоинства».

Я удивлённо подняла брови, но она продолжила: «Всё зависит от того, какого наследника для рода У желает видеть Тяньхоу. Литературный талант и изысканность, конечно, хороши, но честный и преданный нрав — тоже не порок. В конце концов, даже среди верных подданных есть разница между слепой преданностью и мудрой службой, а люди больше всего почитают именно верность и сыновнюю почитательность. К тому же У Миньчжи и без танцев производит впечатление. Лучше бить по слабостям противника своими сильными сторонами, чем выставлять напоказ собственные недостатки... Что ты делаешь?»

Я хлопнула в ладоши и рассмеялась: «А-Хуань, я поняла, как станцевать «Сиян»! Иди сюда, я научу тебя». Я заторопила её надеть фиолетовый шёлковый халат с пёстрыми рукавами и чёрные кожаные сапоги, позвала служанку, чтобы та наложила как можно более странный макияж, потом помяла парик и кое-как водрузила его на голову Вэй Хуань.

Та не понимала моих намерений и то и дело спрашивала, но я отделялась шутками. Сама я надела такую же одежду, нарядилась и показала ей несколько движений. Вэй Хуань только фыркнула: «Я говорила о доброте, а не о глупости!»

Я рассмеялась: «Да почти одно и то же». Закончив с приготовлениями, мы вдвоём затесались в толпу актёров, и я отдала распоряжения нескольким музыкантам. Они были лучшими музыкантами Великой Тан, и хотя моя просьба поставила их в тупик, после короткого совещания они всё же согласились.

Отец, заметив мою возню, крикнул издали: «Что ты затеяла, Сыцзы? Почему ещё не начинаешь? Сегодня ты сама обещала станцевать. Если получится хорошо — ладно, а если нет, то и «хуньян моху» тебе не видать».

Я искоса взглянула на стол: там уже стояло пять-шесть десятков блюд и закусок, а слуги продолжали нести новые. В распахнутых дверях павильона виднелся разожжённый во дворе костёр, над которым жарили целого барана — внутри него был запечён гусь. Когда баранина приготовится, тушу выбросят, а съедят только гуся из чрева. Так готовилось нынче модное блюдо — «хуньян моху». Звучало оно заманчиво, но на деле выходило чересчур жирным. Да ещё на каждого гостя — по гуся, а на каждого гуся — целый баран. Жестоко и расточительно. Матушка и я не очень-то его жаловали, и я не понимала, как оно попало в сегодняшнее меню.

В голове пронеслась тысяча мыслей, но на лице я лишь улыбнулась отцу: «Выхожу!» — сделала несколько лёгких прыжков, выбежала на середину зала и, улыбнувшись родителям, встала в позу. Вэй Хуань последовала за мной и встала по диагонали. Матушка как раз пила вино и, увидев наши наряды, чуть не поперхнулась. Она закашлялась, и Вангэр долго хлопала её по спине, прежде чем та пришла в себя. Музыканты из Цзяофан в это время заиграли на пипах и хуских инструментах, а затем вступили цзегу — зазвучала хуская музыка для танца «Сиян». Мелодия и без того была весёлой, а в хуском исполнении стала ещё задорнее и комичнее. Отец, едва слышав её, рассмеялся и покачал головой: «Безобразие! Безобразие!» — но не стал останавливать.

Я улыбнулась Вэй Хуань, приняла позу, сделала шаг и нарочито дёрнула плечами, сутулясь, затем размашисто взмахнула пёстрыми рукавами и снова выпрямила их. Вэй Хуань, хотя и смотрела на меня с укором, повторяла движения. Позы у нас выходили неважно, но мы и старались изобразить нечто нелепое, так что окружающие не поняли, что мы просто неумехи, а решили, что так задумано. Не прошли мы и пяти шагов, как все вокруг уже покатывались со

смеху — даже пипачи съехали со своих мест. Я затем резко откинулась назад, изображая тот самый прогиб, что делала Дугу Шао, но специально вышло криво и неуклюже. Раздался новый взрыв смеха. Потом я склонила голову, изображая «Дунши, держащую сердце», и даже Вэй Хуань фыркнула, но тут же опустила взгляд, старательно приняв скорбный вид и нахмутив брови. Я застыла на месте, не замечая её подмигиваний, пока отец, смеясь, не спросил: «Разве не собиралась танцевать? Почему остановилась?» Тогда я подняла глаза и встретила взгляд Вэй Хуань — в её глазах читалось что-то сложное, неоднозначное.

Сердце моё вдруг сжалось от боли. Боль эта была беспричинная, не такая яростная, как вчерашняя злоба, а скорее похожая на тупую, ноющую боль, когда отрываешь заусенец, — терпимо, не смертельно, но назойливо напоминает о себе.

Я улыбнулась ей, развернулась и подбежала к отцу, весело опустившись на колени. Он протянул было руку, но тут же убрал её и сказал с усмешкой: «Что, не получается станцевать и теперь просишь пощады? Меня не проведёшь — это решает твоя матушка». Он подмигнул матери, а та лишь едва улыбнулась и потянулась за бокалом. Я тут же подползла на коленях и подала ей чашу.

Матушка отстранилась, небрежно откинулась на спинку и, прищурившись, спросила: «Ну, говори. Почему вместо приличного выступления устроила этот балаган?»

Я склонила голову: «Пусть матушка сначала выпьет эту чашу, тогда и Сыцзы расскажет».

Матушка фыркнула и лишь смотрела на меня, не двигаясь с места.

Видя её молчание, я сама заговорила: «Скоро день рождения матушки, и я долго размышляла, какой подарок преподнести, чтобы выразить свою любовь. Но отец владеет всем поднебесным миром — что бы я ни поднесла, оно не сравнится с его дарами. Старший брат, наследный принц, как продолжатель рода, более десяти лет усердно служит семье и государству, а недавно у него родился внук. Мой дар, как бы ни был искренен, не сравнится с его заслугами. Шестой брат уже имеет собственный дворец, много повидал на своём веку — мой подарок вряд ли удивит его новизной. А мне не хотелось дарить что-то заурадное. Я ломала голову и наконец придумала одну затею, но не была уверена в ней, потому решила сегодня сначала показать её вчерне, чтобы увидеть реакцию».

Матушка спросила: «И что же это за подарок?»

Я лукаво улыбнулась: «Я уже его преподнесла».

Услышав это, матушка тут же бросила на меня строгий взгляд. Я поняла, что она догадалась о ссылке на «развлечение родителей в пёстрых одеждах», и поспешила добавить: «На самом деле этот дар и прост, и сложен одновременно. Родители правят Поднебесной уже более двадцати лет, принесли миру порядок и спокойствие. Всех вещей у вас в избытке, а нравы ваши просты и воздержанны. Потому я и взяла это за правило: не преподношу золота, серебра или яшмы, а дарю радость в пёстрых одеждах; не стремлюсь к чинам и власти, а лишь надеюсь вызвать улыбку на ваших лицах. Желаю всегда оставаться рядом с отцом и матушкой, радовать вас песнями и танцами, развеивать ваши печали. Пусть Его Величество Император и Её Величество Тяньхоу будут счастливы и благополучны, пусть их правление длится вечно, а удача никогда не оставляет!»

С этими словами я склонилась в поклоне. Отец сиял от удовольствия и уже собирался заговорить, как матушка, слегка склонив голову, спросила: «Если так, почему же ты прервала танец на середине?»

Я приняла серьёзный вид: «Отец и матушка — не только мои родители, но и родители для всего народа. Я, как ваша дочь, хочу не только развлекать вас, но и соблюдать должное благоприличие. Развлечение в пёстрых одеждах — это проявление близости в семье, оно уже вызвало улыбку, и в этом была моя цель. Прервать танец на полпути — это и соблюдение достоинства императорского дома, и предотвращение пагубной моды на соревнование в угодливости. Если даже самые близкие станут напускно почтительными, это убьёт саму суть семейной любви. Потому я станцевала лишь половину — полагаю, наследный принц и шестой брат мыслят так же».

Сначала отец лишь улыбался, но по мере моих слов на его лице появилось изумление. Когда я закончила, он захлопал в ладоши: «Ты так складно всё объяснила, что мне и упрекнуть-то тебя не за что! Ладно, ладно. Ты — почтительная дочь и верный подданный, а я разве не могу быть любящим отцом и мудрым правителем? Жалую тебе сотню золотых монет, десять серебряных изделий и вина. Второй, шестой — и вы получите награды». Он поманил нас троих вперёд: «Поздравьте матушку с днём рождения». Затем обратился к У Миньчжи и прочим членам семьи У: «Подходите все».

Тогда все вышли вперёд: впереди Ли Шэн, за ним Ли Жуй и я, потом У Миньчжи, У Чэнсы, У Саньсы, а остальные выстроились по порядку. Вместе с чиновниками Приказа Дяньчжун, шестью службами, придворными и слугами все хором провозгласили: «Да здравствуют Их Величества Небесный Император и Тяньхоу, пусть их правление длится вечно, а удача никогда не оставляет!»

<http://bllate.org/book/16278/1466212>